

А.Н. ЧАШИН

**ПОСТАТЕЙНЫЙ
КОММЕНТАРИЙ
К УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ
КОДЕКСУ РФ**

**МОСКВА
2018**

УДК 342.7(094.4)
ББК 67.400.7
Ч-29

*Уважаемые читатели, если у вас в руках оказался бракованный экземпляр
либо возникли иные претензии к издателю, просим вас обращаться
на горячую линию 411-68-99 к ответственному редактору.*

Чашин, Александр Николаевич.
Ч-29 Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / А.Н. Чашин. — Москва : Эксмо, 2018. — 976 с. — (Актуальное законодательство).

ISBN 978-5-04-091538-5

В книге представлен системный анализ статей УПК РФ научно-практического характера с использованием материалов судебной практики — в первую очередь новых постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также положений других отраслей права. Комментарии сопровождаются таблицами, схемами и авторскими определениями.

Дополнительный раздел — «Методика обжалования судебного акта».

Учтены последние поправки, внесенные в УПК РФ, а также в федеральные законы и иные нормативные акты, относящиеся к уголовно-процессуальной деятельности.

Комментарий предназначен для судей, прокуроров, следователей, преподавателей, а также для студентов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

**УДК 342.7(094.4)
ББК 67.400.7**

ISBN 978-5-04-091538-5

© Чашин А.Н., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Введение

Предлагаемая читателю книга представляет собой постатейный научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ.

Каждая статья кодекса сопровождается авторским комментарием, носящим, в зависимости от логики рассмотрения нормативных положений, практический (прикладной), научный, либо смешанный — научно-практический — характер. Комментируя положения действующего национального уголовно-процессуального закона, автор, опираясь на достижения современной юридической науки и собственный многолетний опыт правоохранительной (оперативно-розыскной и следственной), а также правозащитной (адвокатской) практики, акцентирует внимание читателя на проблемных местах, недостатках использованной в законотворческом процессе юридической техники, дает рекомендации по эффективному применению и использованию соответствующих нормативных предписаний.

В необходимых местах автором даются рекомендации к расширительному, ограничительному либо буквальному толкованию тех или иных положений, требующих профессиональной интерпретации в правоприменительном процессе. Комментарии вобрали в себя в достаточном и оправданном объеме положения судебной практики, сформированной отечественными судами, в первую очередь постановлений Пленума Верховного Суда РФ, носящие настоятельно-рекомендательный, хотя и не строго обязательный характер. Кроме того, автором по возможности принимались во внимание положения иных отраслей права: гражданского, семейного, уголовного и т. п.

Издание предназначено для судей, прокуроров, следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов, специализирующихся в сфере уголовного процесса, а также для студентов, курсантов и слушателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля всех уровней подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура), преподавателей, аспирантов, докторантов, а также может быть интересно для всех, кто интересуется особенностями отечественного уголовного процесса.

Нормативный материал дается по состоянию на 29 июля 2018 г., а текст Уголовно-процессуального кодекса прокомментирован в редакции, вступающей в действие с 21 октября 2018 г.

Часть первая

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Раздел I

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава 1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Статья 1. Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства

1. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации.

2. Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства.

3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора.

Первая статья комментируемого кодекса посвящена законодательным источникам уголовно-процессуального права.

Источниками уголовно-процессуального права называются нормативные правовые и судебные акты, содержащие нормы этой отрасли права, а также результаты их обязательного толкования.

Основным источником уголовно-процессуального права является УПК РФ, т. к. согласно ч. 1 его ст. 1, порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается настоящим (то есть Уголовно-процессуальным) кодексом.

Структура УПК РФ включает в себя пять частей, восемнадцать разделов и пятьдесят пять глав. Количество перечисленных структурных элементов кодекса не полностью совпадает с их нумерацией. Это обусловлено тем, что УПК РФ за время своего существования претерпел некоторые изменения. В частности, утратила силу ч. 6-я и, соответственно, раздел XIX кодекса, в то же время он был дополнен новой главой под номером 40.1.

Особенность уголовно-процессуального законодательства заключается в том, что УПК РФ, являясь федеральным законом, имеет приоритет над любыми другими нормативными правовыми актами того же уровня, если только последние не вносят изменения в текст самого УПК РФ.

В системе российского законодательства к сегодняшнему дню сложилось двойственное положение относительно юридической силы кодификационных нормативных правовых актов. С одной стороны, кодификационные нормативные правовые акты официально не наделяются большей юридической силой, чем тот вид правового материала, который ими систематизирован. Однако на практике нормы кодификационных нормативных правовых актов применяются с серьезным приоритетом перед нормами некодификационных нормативных правовых актов аналогичной юридической силы.

Такое положение привело к рождению в научной среде мнения относительно наличия у кодификационных нормативных правовых актов приоритета среди иных нормативных правовых актов той же юридической силы.

Так, Ю. А. Тихомиров пишет, что «в настоящее время отечественная юридическая наука рассматривает кодексы как разновидность базовых законов, выполняющих функции интеграции в той или иной отрасли законодательства»¹. Д. В. Чухвичев смелее в своих утверждениях: «по юридической силе кодексы являются обычными законами (а иногда и подзаконными актами) и не имеют приоритета над другими актами, равными по силе. Однако фактически они все же отличаются по своему значению от остальных актов, являются основополагающими, базовыми для остального законодательства, действующего в определенной системе законов и подзаконных актов»². По мнению Б. Н. Топорнина³ и цитируемого ранее Ю. А. Тихомирова⁴, кодексы по отношению к другим законам занимают более высокую ступеньку в иерархии источников права. Т. Н. Рахманина недвусмысленно пишет по этому поводу: «в практике российского законотворчества фактически действует (правда, не всегда последовательно) принцип приоритета кодекса над отраслевыми законами. При разных вариантах решения проблемы в разных кодексах — практика идет по пути наделяния кодексов более высокой, по сравнению с обычными федеральными законами, юридической силой»⁵.

Хотя статья 76 Конституции РФ⁶ не выделяет в отдельную группу кодификационные нормативные правовые акты, но фактически такие акты имеют юридическую силу выше юридической силы некодифицированного законодательства того же уровня. Данное положение закрепляется законодателем в каждом кодификационном нормативном правовом акте отдельно.

В теориях отраслевых юридических наук в настоящее время можно найти подтверждение приоритета кодификационного нормативного правового акта над иными федеральными законами. Так, В. С. Якушев⁷ и С. В. Поленина⁸ доказывают приоритетность ГК РФ, а М. И. Брагинский приравнивает в определенной мере по юридической силе ГК РФ к конституционным федеральным законам⁹. Приоритет кодификационных нормативных правовых актов над иными констатируется в научной литературе¹⁰. Противоположной точки зрения придерживается О. И. Крассов¹¹ и другие авторы¹².

¹ Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. М., 2000, с. 268.

² Чухвичев Д. В. Некоторые теоретические проблемы процесса кодификации // Гражданин и право. 2007. №11. // СПС «Гарант».

³ Топорнин Б. Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000, с. 23.

⁴ Тихомиров Ю. А. «Закон о законах» — координатор законопроектной деятельности в государстве // Юстиция. 2005. №1 // СПС «Гарант».

⁵ Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. №4, с. 31.

⁶ РФ от 25 декабря 1993 г. №237.

⁷ Якушев В. С. Гражданское законодательство и законодательство субъектов Федерации // Российский юридический журнал. 2001. №1, с. 41.

⁸ Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. №9, с. 9.

⁹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001, с. 53.

¹⁰ Беляева З. С. Источники колхозного права. Автореф. Дисс. д-ра юрид. наук. М., 1972 с. 17; Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / Отв. ред. Халфина Р. О.; АН СССР. Ин-т государства и права. М.: 1987, с. 68–69; Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М., 2000, с. 305–306; Толстик В. А. Иерархия нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов; М., 2001, № 2, с. 57–58.

¹¹ Актуальные проблемы земельного и экологического права (Материалы научно-практической конференции) // Государство и право. 1995. №12, с. 136.

¹² Аленина И. В. Коллизии в трудовом праве. Дисс. канд. юрид. наук. Омск: Омский гос. ун-т, 2000. с. 169; Чуча С. Ю. Трудовой кодекс в системе источников российского трудового права // Трудовое право. 2004. №1, с. 27.

В. В. Бриксов отмечает, что «...кодифицированные федеральные законы — это всего лишь форма кодификации законодательных положений на федеральном уровне. Федеральный законодатель не вправе дополнять установленные Конституцией РФ формы законодательного регулирования и соответственно наделять федеральные законы, в том числе кодифицированные, по отношению к другим федеральным законам большей юридической силой»¹. С данными мнениями нельзя согласиться по приведенным выше причинам.

Кроме того, приоритет кодекса над иными федеральными законами, принимаемыми в общем порядке, закреплён и в конституционной судебной практике. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»² рассматривает вопрос о соответствии Конституции РФ закреплённого в УПК РФ положения о его приоритете над иными федеральными законами (кроме конституционных). При этом Конституционный Суд указывает, что в Конституции РФ термин «федеральный закон» используется:

- в широком смысле слова для обозначения всех законов, принимаемых федеральным законодателем — как федеральных законов, принимаемых в обычном порядке, так и федеральных конституционных законов;
- в более узком смысле — для обозначения обычных федеральных законов в отличие от федеральных конституционных законов.

При этом УПК РФ в ряде своих положений также непосредственно различает федеральный конституционный закон и федеральный закон (ч. 4 ст. 31, ч. 4 ст. 355), имея в виду под федеральным законом именно обычный федеральный закон (пп. 31, 42, 44 ст. 5; п. 1 ч. 2 ст. 37). Отсюда следует, что положения ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм не затрагивают определённую Конституцией РФ иерархию нормативных актов и не предполагают распространение приоритета УПК РФ на разрешение возможных коллизий между ним и какими бы то ни было федеральными конституционными законами, а также между ним и международными договорами РФ.

В соответствии со ст. 71 (п. «о») во взаимосвязи со ст. ст. 10, 49, 50, 76 (ч. 1) и 118 (ч. 2) Конституции РФ уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства РФ. При этом уголовно-процессуальное законодательство — с учетом его особой важности для защиты прав и свобод человека и гражданина и интересов общества в целом — наряду с уголовным законодательством максимально унифицировано путем кодификации.

Далее Конституционный Суд обращает внимание на то, что УПК РФ, который, согласно ч. 1 ст. 1, устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории РФ, будучи обычным федеральным законом, не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией РФ иерархии нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Из принципов правового государства, равенства и справедливости (ст. 1, 18 и 19 Конституции РФ) вытекает обращенное к законодателю требование определенности,

¹ Бриксов В. В. О юридической силе кодифицированных федеральных законов // Журнал российского права. 2003. №8, с. 91–92.

² СЗ РФ от 5 июля 2004 г. №27 ст. 2804.

ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. По смыслу этих положений Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст. 4 (ч.ч. 2), 15 (ч.ч. 1 и 4), 71 (п. «о»), 76 (ч.ч. 1 и 2) и п. 2 разд. второго «Заключительные и переходные положения», структурирование системы федерального законодательства, по общему правилу, предполагает, что установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, — согласно самой сути и природе уголовно-процессуального закона — должно быть согласовано с УПК РФ, представляющим собой одну из составных частей действующего уголовно-процессуального законодательства.

Появление в регулировании уголовного судопроизводства нормативных положений, противоречащих УПК РФ, может создать неопределенность в правовом положении участников судопроизводства, привести к нарушениям прав и законных интересов граждан и, в конечном счете, — к дестабилизации единого правового пространства в сфере уголовного судопроизводства. По существу, требование о приоритете УПК РФ в установлении порядка уголовного судопроизводства, сформулированное в ч.ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ во взаимосвязи с его ст. ст. 1 и 8 и относящееся к процессуальному праву, корреспондирует максимально кодифицированному состоянию уголовного права, обеспечивая наиболее адекватную процессуальную форму его реализации как права материального. При этом законодатель исходил из особой роли, которую выполняет в правовой системе РФ кодификационный нормативный правовой акт, осуществляющий комплексное нормативное регулирование тех или иных отношений. По этим основаниям Конституционный Суд РФ подтвердил право федерального законодателя при кодификации норм, регулирующих производство по уголовным делам, на установление приоритета УПК РФ перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции.

Далее Конституционный Суд РФ указывает, что УПК РФ как систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом и отдельные его части, этапы, стадии, институты — с учетом их общих свойств, специфических черт и проявлений, — призван обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики, чем и обуславливается закрепление приоритета данного Кодекса в качестве закона, регулирующего производство по уголовным делам. Такие установления, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, в то же время облегчают работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обозримым и тем самым в правоприменении существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя.

Однако Конституционный Суд делает оговорку о том, что приоритет УПК РФ перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования, которым, как это следует из его ст. 1–7, является порядок уголовного судопроизводства. С учетом требований Конституции РФ положения ч.ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ закрепляют его приоритет перед другими обычными федеральными законами лишь постольку, поскольку уголовно-процессуальным законом в РФ является именно данный Кодекс (ст. 2–4 УПК РФ) — подобно тому, как уголовным законом является УК РФ (ч. 1 ст. 3 УК РФ), — и поскольку другими федеральными законами, как относящимися к иным отраслям законодательства, не должно — исходя из закрепленного в уголовно-процессуальном праве принципа законности при производстве по уголовному делу и очерченного в самом УПК РФ предмета регулирования — осуществляться регулирование именно уголовно-процессуальных по своей правовой природе отношений.

Часть первая комментируемой статьи содержит весьма важную оговорку о том, что УПК РФ основан на Конституции РФ. Поэтому УПК РФ является основным источником уголовного судопроизводства в том смысле, что именно в нем детально регламентирована юридическая процедура, закреплены статусы всех участников процесса. Вместе с тем УПК РФ не может быть наделен и не наделен высшей юридической силой, которая присуща исключительно Основному закону. Таким образом, УПК РФ есть основной источник уголовно-процессуального права, а высший его источник — Конституция РФ.

Итак, высшим источником уголовно-процессуального права выступает Конституция РФ, которая содержит следующие положения, всеобщие для любого юридического процесса:

- принцип равенства перед законом и судом (ст. 19);
- право на пользование родным языком в ходе судопроизводства (ст. 26);
- право на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45);
- право на судебную защиту (ст. 46);
- право на обеспечение подсудности (ст. 47);
- основы судебной власти (ст.ст. 118–123) и другие.

Именно на Конституции РФ основан УПК, как закреплено в части первой комментируемой статьи.

При рассмотрении Основного закона как источника уголовно-процессуального права на первый план выходит вопрос о том, как именно действуют конституционные нормы в уголовном судопроизводстве.

Самый простой ответ на этот вопрос лежит на поверхности и многие на него ответят, не задумываясь, — Конституция РФ имеет прямое действие, значит, и ее нормы имеют прямое действие. Действительно, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ закрепляет положение о ее прямом действии. Но простой ответ, подобный тому, который приведен нами в начале этого абзаца в качестве примера, лежит на поверхности правовой материи не более, чем вершина айсберга лежит на поверхности океана. Если мы хотим научиться правильно применять нормы Основного закона, то следует не только уяснить то, что он имеет прямое действие, но и выяснить, что под этим прямым действием следует понимать.

Около века назад Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «конечно, глубоко ошибается тот, кто думает, будто писаная конституция в состоянии точно определить образ действия власти. Но ошибочно и отрицать психическое действие ее на власть. Если последняя влияет на общественное мнение ссылкой на лист, то игнорирование этого листа оказывает влияние, подрывающее то общественное мнение, которого она ищет. В действительности, писаная конституция составляет один из элементов в реальном соотношении сил. Это тоже сила, и не из последних. Писаная конституция есть фиксирование общественного взгляда на взаимное отношение элементов государственной власти и насколько последняя ограничена общественным мнением, конституция служит одним из факторов, определяющих ее поведение. Ошибка не в том, что писаную конституцию считают силой, а в том, что ее признают правом, и ожидают от нее тех гарантий, какие связаны с правом, тогда как она может дать только гарантии, какие заключаются в общественном мнении»¹.

Поэтому понимания только о прямом действии Конституции недостаточно. Следует делать различие между непосредственным и опосредованным вариантами ее действия. О. Е. Кутафин писал об этом так: «...необходимо различать непосредственное и опосредованное действие Конституции, составляющие формы прямого действия конституционных норм. Непосредственным является такое действие конституционных норм, которое осуществляется только конституционными средствами, а также совместными с другими правовыми нормами, которые обычно определяют проце-

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1. (по изд. 1912 г.). М., 1995, С. 202.

дур реализации конституционных норм. Опосредованным считается такое действие конституционных норм, которое осуществляется после предварительной их конкретизации в иных законодательных актах. Такая конструкция обеспечивается нормами административного, гражданского, трудового и других отраслей права Российской Федерации. Следует заметить, что прямое действие конституционных норм присуще всем способам правореализационного процесса. Однако во всех случаях оно осуществляется исключительно в рамках конституционных правоотношений.

В Конституции РФ говорится не только о прямом действии ее самой (ч. 1 ст. 15), но и о непосредственном действии закрепленных в ней прав и свобод человека и гражданина. Подобным образом, видимо, выражена основная идея естественно-правовой доктрины о правах человека, существующих независимо от их государственного признания, но в результате такого признания и конституционного закрепления обретающих качество прав гражданина.... представляется, что формула «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими» (ст. 18) вполне укладывается в более общую формулу о прямом действии Конституции (ст. 15), так как всеобщность формы свободы людей относительна, поскольку ограничивается лишь субъектами отношений, регулируемых правом и опосредуемых правовой формой»¹. В итоге О. Е. Кутафин приходит к выводу, согласно которому все нормы Конституции являются непосредственно действующими². «Законы и иные правовые акты, издаваемые на основе Конституции, развивают и дополняют эти и другие ее положения. В этом и состоит прямое действие упомянутой нормы (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ. — А. Ч.)»³.

Однако в юридической литературе встречается и иная точка зрения. Так, по мнению Р. О. Халфиной, нормы права, устанавливающие основополагающие начала правовой системы, не могут быть реализованы посредством правоотношений, а исключительно через акты, их детализирующие⁴. Академик О. Е. Кутафин с этой точкой зрения не соглашается и отмечает, что «ее признание означало бы, что некоторые конституционные нормы не действуют, пока не будет принят детализирующий их конкретный правовой акт, а это противоречит ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей прямое действие ее норм»⁵.

Разница двух приведенных позиций заключается в том, что Р. О. Халфина предлагает понимать закон, детализирующий любое конституционное положение как обязательный элемент реализации этого положения, а О. Е. Кутафин — только как гарантию эффективности такой реализации. «Важной гарантией, — пишет О. Е. Кутафин, — реализации конституционно-правовых норм является их конкретизация. Смысл конкретизации заключается в том, чтобы способствовать реализации нормы посредством принятия норм более конкретного характера. Такого рода взаимосвязи норм могут иметь весьма сложный, многозвенный характер, что особенно характерно для норм конституционного права»⁶. Подобное понимание ведет к следующему. Если принять первую точку зрения, то отсутствие некоторого закона препятствует реализации конституционной нормы. Если же принять вторую точку зрения, то отсутствие некоторого закона всего лишь усложняет реализацию конституционной нормы, но никоим образом не может препятствовать таковому.

Вторая точка зрения поддержана Верховным Судом РФ. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁷ суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности:

¹ Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002, с. 47–48.

² Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001, с. 135.

³ Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002, с. 47.

⁴ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 56–57.

⁵ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001, с. 309–310.

⁶ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001, с. 132.

⁷ Российская газета, №247, 28.12.1995.

- когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;
- когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории РФ до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей;
- когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;
- когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, противоречит Конституции РФ, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует.

В случаях, когда статья Конституции РФ является отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения. Наличие решения Конституционного Суда РФ о признании неконституционной той или иной нормы закона не препятствует применению закона в остальной его части.

Согласно п. 3 того же постановления, в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, исходя из положений ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона. Такой запрос в соответствии со ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» может быть сделан судом первой, кассационной или надзорной инстанций в любой стадии рассмотрения дела.

Вторая часть комментируемой статьи обязывает соблюдать порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ всеми участниками соответствующих правоотношений. При этом использованный законодателем термин «уголовное судопроизводство» следует понимать не только как производство по уголовному делу в суде первой и последующих инстанций, но включать в объем этого понятия любые процессуальные действия, регламентированные комментируемым законом. При таком расширенном понимании уголовным судопроизводством является деятельность должностного лица по проверке сообщения о преступлении, по возбуждению уголовного дела, исполнению приговора. Уголовным судопроизводством следует признавать также деятельность, неприкосновенную к суду или даже вовсе уголовному делу. Так, если в ходе проверки сообщения о преступлении было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, проведенные мероприятия все же следует признавать уголовным судопроизводством, т.к. они направлены на установление истины на досудебной стадии уголовного процесса, которые, в конечном итоге, всегда ориентированы на судебное следствие как центральную уголовно-процессуальную стадию.

Часть третья комментируемой статьи в качестве источников уголовно-процессуального права называет принципы и нормы международного права, включая нормы договорного характера.

По мнению М. В. Баглая, формулировка «общепризнанные принципы и нормы международного права» таит в себе много «неясностей, поскольку в мире не существует общепризнанного определения этих принципов и норм»¹.

Применительно к отечественной правовой системе определения этих понятий даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»²:

- под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и при-

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999, с. 23.

² Российская газета, №244, 02.12.2003.

знаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо;

- под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе РФ, применимы судами, в том числе военными, при разрешении уголовных дел, в частности:

- если международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем уголовно-процессуальным законом РФ;
- если международным договором РФ регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении ходатайств обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства).

Порядок уголовного судопроизводства определяет далеко не единственный национальный закон, каковым является УПК РФ.

Среди федеральных конституционных законов, содержащих нормы уголовно-процессуального права, следует указать:

- Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»;
- Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»;
- Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. №1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»;
- Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № -ФКЗ «О военном положении»;
- Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Сам УПК РФ является ординарным федеральным законом. К иным источникам уголовно-процессуального права того же уровня юридической силы относится: Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. №188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», определяющий компетенцию мировых судей субъектов федерации, Федеральный закон от 17 января 1992 г. №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», устанавливающий статус прокурора в уголовном процессе, а также Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Одним из источников уголовно-процессуального права являются решения Европейского Суда по правам человека.

Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении РФ (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу п. 1 ст. 46 Конвенции эти постановления в отношении РФ, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти РФ, в том числе и для судов.

Выполнение постановлений, касающихся РФ, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем, чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, действующих из участия РФ в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер.

Отдельно может быть поставлен вопрос о значении актов конституционного правосудия при регулировании процедуры уголовного судопроизводства.

Конституционный Суд РФ есть судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Конституционный Суд РФ в процессе своей деятельности может решить вопрос о соответствии определенной нормы уголовно-процессуального права Конституции РФ. Признание нормы уголовно-процессуального права не соответствующей Конституции РФ влечет приостановление ее применения.

В целях правильного применения уголовно-процессуального закона Конституционный Суд РФ в своих постановлениях разъясняет конституционно-правовой смысл отдельных положений УПК РФ.

Формы воздействия Конституционного Суда на регулирование уголовно-процессуальных отношений:

- признание не соответствующей Конституции РФ процессуальной нормы и предложение правоприменителю руководствоваться соответствующими конституционными положениями напрямую;
- признание не соответствующей Конституции РФ процессуальной нормы и предложение законодателю внести изменения в нее;
- признание не соответствующей Конституции РФ процессуальной нормы и ориентация правоприменителя на применения других норм УПК РФ.

Однако необходимо учитывать, что Конституционный Суд РФ новых уголовно-процессуальных норм не создает, следовательно, его акты не являются источниками уголовно-процессуального права.

Статья 2. Действие уголовно-процессуального закона в пространстве

1. Производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное.

2. Нормы настоящего Кодекса применяются также при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами территории Российской Федерации под флагом Российской Федерации, если указанное судно приписано к порту Российской Федерации.

3. В случаях, предусмотренных статьями 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации могут проводиться в соответствии с требованиями настоящего Кодекса.

(часть третья введена Федеральным законом от 06.07.2016 г. №375-ФЗ).

В ст. 2 УПК РФ закреплена территориальная уголовно-процессуальная юрисдикция. Комментируемая статья является по своему характеру территориально-коллизионной, т. е. определяет действие уголовно-процессуального закона в пространстве

по признаку территории. Основными элементами взятой к рассмотрению нормы выступают ее объем и привязка.

Объем нормы содержит указание на общественные отношения, подлежащие законодательному регулированию в пределах национальной территории. Объемом нормы в данном случае является производство по уголовному делу. При этом сам термин «производство по уголовному делу» следует понимать широко: это не только действия в рамках уже возбужденного уголовного дела, но и случаи, когда уголовно-процессуальные действия не ведут к возбуждению уголовного дела (например, осмотр места происшествия с последующим отказом в возбуждении уголовного дела).

Привязка нормы содержит указание на подлежащий применению закон вкупе с его национальной идентификацией. Общее правило, закрепленное комментируемой статьей, привязывает уголовное судопроизводство к самому УПК РФ. Вместе с тем такая привязка может не действовать в случае наличия прямого указания на то в ратифицированном Россией международном договоре.

Статья 3. Действие уголовно-процессуального закона в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства

1. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации, ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса.

1.1. В случаях, предусмотренных частью третьей статьи 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства могут проводиться в соответствии с требованиями настоящего Кодекса.

(часть 1.1 введена Федеральным законом от 06.07.2016 №375-ФЗ)

2. Процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, производятся с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось. Информация о том, пользуется ли соответствующее лицо иммунитетом и каков объем такого иммунитета, предоставляется Министерством иностранных дел Российской Федерации.

(часть вторая в ред. Федерального закона от 04.03.2008 №26-ФЗ)

Часть первая комментируемой статьи распространяет действие национального уголовно-процессуального закона по кругу лиц на иностранцев и апатридов. Тем самым законодатель распространил весь спектр процессуальных гарантий на лиц, не имеющих российского гражданства, уравнив их в процессуальных правах и обязанностях с гражданами РФ.

Наличие у иностранного гражданина дипломатического иммунитета блокирует одностороннее действие в отношении его российского уголовно-процессуального закона. Такое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только при наличии на то доброй воли государства, чьим гражданином либо подданным является лицо, наделенное дипломатическим иммунитетом.

В абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъясняется, что в круг лиц, пользующихся иммунитетом, входят, например, главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности:

- главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств;

- члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства;
- члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно;
- другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ.

Статья 4. Действие уголовно-процессуального закона во времени

При производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено настоящим Кодексом.

По общему правилу уголовно-процессуальный закон обратной силы не имеет. В то же время, в отличие от материальных отраслей права, в уголовном процессе существует так называемое немедленное действие нормативного правового акта¹. Это означает, что все правоотношения, вне зависимости от момента их возникновения, регулируются вступившим в силу новым уголовно-процессуальным законом. При этом по новым правилам регулируются даже те уголовно-процессуальные отношения, которые возникли до вступления в силу законодательных новелл.

В материальном праве по-другому: новый закон применяется только к тем правоотношениям, которые возникли после его вступления в силу, а к ранее возникшим правоотношениям применяется прежний закон. Этот юридический феномен в теории именуется переживанием закона²: отмененные правовые нормы переживают момент своей отмены и окончательно отмирают одновременно с прекращением последнего из регулируемых ими правоотношений.

В уголовном процессе общее правило не допускает возможности переживания отмененного закона. Неверное толкование положений ст. 4 УПК РФ приводит к ошибкам правоприменения. Так, например, 28 июня 2002 г. судья отказал обвиняемым в удовлетворении ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей на том основании, что, согласно Федеральному закону от 18.12.2001 №177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³, такое право у них возникало лишь с 1 июля 2002 г., рассмотрение дела по существу было назначено на 10 июля того же года. Суд надзорной инстанции применительно к этому случаю разъяснил, что судьей не было учтено, что с 1 июля 2002 г. в соответствии со ст. ст. 217, 325 УПК РФ дело надлежало рассматривать судом присяжных, и, назначая его к слушанию в период действия нового закона, следовало руководствоваться положениями УПК РФ, то есть нового закона⁴.

Если какие-либо процессуальные действия были произведены в период действия отмененного уголовно-процессуального закона, то они не утрачивают своей юридической силы после вступления в силу нового закона. Так, например, суд признал допустимым доказательством протокол осмотра места происшествия с участием несовершеннолетних понятых. Суд надзорной инстанции в своем решении указал следующее: что касается участия в качестве понятых несовершеннолетних Б. и Х. (17 лет 10 мес.), то в ст. 135 УПК РСФСР, действовавшей на момент соответствующих процессуальных действий, проводимых с их участием, не содержалось запрещения участия таких лиц в качестве понятых (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.01.2004 №891п2003⁵), хотя приговор был вынесен уже по УПК РФ 2001 г.

¹ Бахрах Д. Н. Действие нормы права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М., 2004. С. 167.

² Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 246; Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1998. С. 233.

³ Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, №52 (1 ч.), ст. 4924.

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.06.2003 №273п03пр.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ, 2004, №8.

Статья 5. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

Если не оговорено иное, основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют следующие значения:

1) алиби — нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте;

2) апелляционная инстанция — суд, рассматривающий в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда;

(в ред. Федерального закона от 29.12.2010 №433-ФЗ)

3) близкие лица — иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений;

4) близкие родственники — супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки;

5) вердикт — решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей;

6) государственный обвинитель — поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры;

(в ред. Федеральных законов от 29.05.2002 №58-ФЗ, от 05.06.2007 №87-ФЗ)

7) дознаватель — должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом;

(в ред. Федеральных законов от 29.05.2002 №58-ФЗ, от 04.07.2003 №92-ФЗ)

8) дознание — форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно;

(в ред. Федерального закона от 29.05.2002 №58-ФЗ)

9) досудебное производство — уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу;

10) жилище — индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания;

11) задержание подозреваемого — мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления;

(в ред. Федерального закона от 05.06.2007 №87-ФЗ)

11.1) заключение суда — вывод о наличии или об отсутствии в действиях лица, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовному делу, признаков преступления;

(п. 11.1 введен Федеральным законом от 04.07.2003 №92-ФЗ)

12) законные представители — родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства;

(в ред. Федерального закона от 04.07.2003 №92-ФЗ)

13) избрание меры пресечения — принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого;

(в ред. Федерального закона от 05.06.2007 №87-ФЗ)

13.1) имущество — любые вещи, включая наличные денежные средства и документальные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во